
Л. Н. ПУШКАРЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ
И. А. ХУДЯКОВ

За последние годы советские ученые по-новому поставили многие вопросы истории русской науки. Старая историографическая схема либерально-буржуазной этнографии и фольклористики сломана. В истории науки XIX в. ярко вырисовывается огромная ведущая роль революционных демократов и их последователей. Освещению проблем этнографии и народного творчества в исследованиях Белинского, Добролюбова и Чернышевского посвящаются статьи в периодической печати и монографии. В плане предпринятых историографических работ стоит и настоящая статья о И. А. Худякове как одном из последователей великих революционных демократов.

Жизнь Худякова — типичный образец биографии ученого-разночинца 60-х гг. XIX в.; она имеет много общего с судьбой других революционеров-шестидесятников.

Иван Александрович Худяков родился в г. Кургане 1 января 1842 г. в семье провинциального чиновника. Детство свое он провел в Ишиме, там же окончил и уездное училище. Отец его, знакомый с декабристами (Нарышкиным, Свистуновым и др.), развитый и образованный для своего времени человек, ничего не жалел для воспитания своего сына. Мальчик пристрастился к чтению, но книг было мало. В 1853 г. Худяков переезжает в Тобольск и определяет сына в тобольскую гимназию; там Иван Александрович в течение пяти лет неизменно был первым учеником. 16 лет он окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, где и проучился год — до 1859 г. Обстановка в университете мало способствовала учебе. В это время Худяков знакомится с произведениями Герцена, которые ходили среди студентов в рукописном виде, становится «атеистом, а в политическом отношении — приверженцем конституции», как он сам позже писал в своей автобиографии. В это же время он начал увлекаться мифами и сказками, что и привело его в конце концов в Москву, где он «надеялся найти побольше науки». В 1859—1860 гг. он в Московском университете слушает лекции Соловьева, Буслаева, Тихонравова.

Тяжелые материальные условия заставляют Худякова искать заработка. С этой целью он составляет в 1860 г. «Сборник великорусских народных исторических песен», за который и получает 40 руб. серебром. Летом Худяков уезжает репетировать помещичьих сынков в деревню, одновременно он записывает сказки и загадки, которые вскоре и издает. Увлеченный собиранием сказок, Худяков в 1861 г. перестает посещать лекции и сдавать экзамены; его исключают. Он пытался сдать экзамены и получить диплом в Казани, но после безуспешных попыток перестал заботиться о своем дипломе. В 1862 г. он переезжает в Петербург.

В 1863—1864 гг. Худяков переживает определенный перелом в своем творчестве. Он перестает заниматься узко-научными проблемами и от-

дает свои силы и знания делу народного внешкольного просвещения. За последующие 3 года он издает несколько книг для народа. Просветительская работа завершается у Худякова революционной деятельностью. Он вступает в «Организацию» «ишутинцев» — народников-революционеров. По поручению «Организации», он в 1865 г. едет в Женеву, чтобы установить связь с Герценом, Бакуниным и Огаревым. Возвратившись в Петербург, он рассказал Ишутину о создании I Интернационала. Беседы Ишутина о «Европейском революционном комитете» толкнули одного из членов кружка на мысль о необходимости царевбийства. Д. В. Каракозов 4 апреля 1866 г. неудачно стреляет в царя; арест Каракозова приводит к провалу всей организации. После краткого следствия и суда Худякова приговаривают к поселению в отдаленнейших местностях Сибири. 7 апреля 1866 г. Худякова поселяют на полюсе холода, в Верхоянске.

Первое время молодой ученый-революционер пытался продолжать свою научную работу. Но вскоре у него начали обнаруживаться тяжелые признаки душевного расстройства. После долгих и настойчивых просьб матери о переводе ее сына в Иркутск в больницу для душевнобольных его через 5 лет после начала заболевания, в 1875 г., переводят в Иркутск, но здесь он прожил меньше года. 19 сентября 1876 г. Худяков умер. Жандармские власти приказали похоронить его в братской могиле и не разрешили родным присутствовать на похоронах. Политические ссыльные долго, но безуспешно разыскивали могилу Худякова: она безнадежно затерялась.

В жизни Худякова ясно различаются два периода: до и после ссылки. Первый период (Москва и Петербург) характеризуется крупными научными работами Худякова; вершиной этого периода является его революционная деятельность. Второй, верхоянский период ознаменован активной научной деятельностью молодого ученого вначале и постепенным угасанием его душевных и физических сил в конце.

Революционная деятельность пронизывает все творчество Худякова. Начиная с того момента, как он достаточно осознал свои задачи ученого-просветителя, Худяков и в работах по народному творчеству и в книгах для народа ставит науку на службу революции, подчиняет просветительскую работу революционной деятельности.

Худяков-революционер — явление сложное и до сих пор недостаточно ясное. Дело в том, что поведение Худякова на Каракозовском процессе не дало в руки суда достаточных юридических улик. Худяков был осужден не к смертной казни, как Каракозов, и даже не к каторжным работам, как остальные главные члены кружка (Ишутин, Странден и др.), а лишь к поселению. Создается впечатление, что Худяков — один из второстепенных членов организации, ученый-фольклорист, случайно попавший в кружок.

Но с этим не вяжется отношение к Худякову суда, следствия и печати. Худякова допрашивали с особым пристрастием. Его содержали, как и Каракозова, в Алексеевском равелине. Реакционный журналист Катков упорно называл его «главным двигателем дела» и т. д. Следует поэтому очень критически подходить к показаниям первоисточников и правильно оценить значение этого стойкого революционера, талантливого ученого и умелого пропагандиста.

Было бы ошибочным, однако, причислять Худякова — общественного деятеля — к революционным демократам. Худяков, как и другие ишутинцы, считал себя последователем Чернышевского, но он не был им в полной мере. Ишутинцы взяли из учения Чернышевского лишь наиболее слабые его стороны, в частности учение о крестьянской общине. Но ишутинцам остались чужды многие стороны революционного, философского и экономического учения Чернышевского, широта и глубина его взглядов на судьбу исторического и социального развития

России и т. д. Однако взгляды Худякова на народ, на историю России, на этнографию и на фольклор сложились под влиянием учения революционных демократов, и Худяков явился своеобразным пропагандистом их теоретических положений.

Близость общественно-исторических взглядов Худякова к революционно-демократическому мировоззрению может быть установлена на ряде примеров. В качестве образца можно проследить взгляды Худякова на народ и на его общественное развитие. В лучшей своей просветительской книге «Древняя Русь» Худяков на первой же странице утверждает, что история России за истекшее тысячелетие была историей развивающегося народа (подчеркнуто мною.— Л. П.). Такая трактовка исторического процесса, противостоящая правительственной точке зрения, была высказана еще Белинским и Добролюбовым. В своей рецензии на «Сельское чтение», издаваемое кн. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким (книжка четвертая, СПб., 1848), Белинский отчетливо выражает свои взгляды на народ как на основу государственного строя. Это высказывание, равно как и аналогичные другие, позволили Г. В. Плеханову с полным основанием сказать: «На него (Белинского.— Л. П.) клеветали, когда говорили, что он с презрением смотрел на русский народ. Он утверждал, что «из памятников русской народной поэзии можно доказать великий и могучий дух народа» и что «вся наша народная поэзия есть новое свидетельство бесконечной силы духа» (Соч., т. XXIII, стр. 188)»¹. Изложению своих взглядов на народ как на движущую силу исторического процесса Добролюбов посвятил статью «Черты для характеристики русского простонародья». Для Худякова народ — это великий творец всех духовных и материальных ценностей, «основная сила государства». В предисловии к своей автобиографии он, как бы развивая дальше эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, так говорит о правительстве и народе: «Вглядитесь хорошенько в правительство, в это ужасное чудовище, которое движется с медленной неповоротливостью допотопных животных и давит на ходу весь народ, составляющий основную силу государства». Особым вниманием Худякова пользовались выходцы из народа, великие борцы за счастье народное — Разин, Пугачев. Не имея возможности из-за цензурных условий писать о них, Худяков обращается к великим людям средних веков — к Гусу, Рамусу — и особо отмечает то, что они вышли из народа.

Убежденность и последовательность политических взглядов Худякова оказали свое влияние на его революционную практику. До нас дошло очень мало материалов, раскрывающих его революционную деятельность. Интересны очень беглые замечания в его автобиографии о разговорах с крестьянами Нижегородской губернии по польскому вопросу. Любопытное свидетельство пропагандистской работы Худякова нашел Б. П. Козьмин в деле Следственной комиссии № 427 об Иване Пеньковском и др. (л. 249). Уже после ссылки Худякова при одном обыске была случайно обнаружена бумажка с загадками и ответами. Ее хозяин, Алексей Кондратьев, 10-летним мальчиком в 1866 г. жил у Худякова и обучался у него грамоте. Для упражнения в списывании Худяков давал ему в качестве прописей такие, например, тексты:

«Где всегда хорошие люди?» — В Сибири.

«Когда лучше будет жить?» — Когда не будет царей.

«Кто на свете подлецы и дураки?» — Генералы и др.²

В своей просветительской деятельности Худяков широко и остро использовал фольклорный и этнографический материал. Не случайно

¹ Б. Бурсова, Плеханов и Белинский, «Литературное наследство», т. 55, М., 1948, стр. 115.

² Цит. по книге: М. М. Клевенский, И. А. Худяков — революционер и ученый, М., 1929, стр. 72.

рецензенты его первой просветительской книги для народа³ особо оставались на включенных в книжку фольклорных текстах.

Рецензент прогрессивного «Книжного вестника» недоумевает: «отчего пропущены, например, песни и былины времени Стеньки Разина? отчего нет памятников отношения нашего народа к церкви, к язычеству»⁴. В то же время К. Б., рецензент реакционного «Русского слова», так оценил фольклорный материал книжки: «Книжица, действительно, странная, начинается она сказками такого рода, что только одному славянофилу под силу отыскать в них какой-нибудь человеческий смысл; потом следуют пословицы, загадки и былины. Все эти сокровища народной мудрости собраны, повидимому, для удовольствия простого читателя, которого понятия стоят не выше сказки и пословицы»⁵. Что же это были за пословицы, вызвавшие такое барски-пренебрежительное отношение рецензента к народной поэзии? «Хоть шуба овечья, да душа человеческая», «Хлеб соль ешь, а правду режь», «Не всякий умен, кто в красне наряжен», и др.

Худяков учел указания «Книжного вестника» в своей следующей книге для народа «Самоучителе для начинающих обучаться грамоте», вышедшей в 1865 г. В ней он дает фразы для списывания. Интересно сопоставление этих фраз с теми примерами, которые приводились в выходивших в это время «Прописях». Оно говорит само за себя:

Худяков, «Самоучитель»

Прописи:

До бога высоко, до царя далеко.

Князя в платье и бояре в платье,
будет платье и на нашей братье.

Голодному Федоту и щи в охоту.

Страшай того, кто не смыслит ничего, и т. д.

Императорский Всероссийский престол
есть наследственный в ныне благополучно царствующем императорском доме.

Закон, в надлежащем порядке обнародованный, должен быть свято и нерушимо исполняем всеми и каждым, и т. д.

Приводимые Худяковым в книге пословицы можно сравнить также и с теми пословицами, которые рекомендовали для списывания авторы прописей. Их подбор в обоих случаях показателен и неслучаен, так как ребенок запоминает на всю жизнь то, что он в первый раз напишет сам. Что же считал необходимым привить ребенку Худяков и что прививала ему царская школа? Царская школа воспитывала в детях покорность, преданность царю и церкви и т. д. Худяков идет вразрез со всем этим. Сопоставление пословиц из «Самоучителя» Худякова с пословицами из «Полного курса русского правописания» В. Пожарского, выдержавшего более 20 изданий, подтверждает сказанное.

Худяков:

Пожарский:

Не обижай голыша, у голыша та же душа.

Не много читай, да побольше разумеи.

Что есть — вместе, чего нет — пополам.

Не бойся богатых гроз, а бойся убогих слез.

От ветоши молодой траве ходу нет, и т. д.

Молись и трудись.

Чтобы вы ни делали, думайте, что бог вас видит.

Береженого и бог бережет.

Чей хлеб ем, того и песню пою.

Смелым бог владеет.

Люби своего ближнего, как самого себя, и др.

³ «Русская книжка», СПб., 1863.

⁴ «Книжный вестник», 1863, № 24, стр. 438.

⁵ «Русское слово», 1864, № 7, стр. 58.

И фольклорный материал, и рассказы самого Худякова, опубликованные в этой книге, были так значительны, что учили не только азам и буквам, но, как говорил эпитафия к книге: «Сперва аз да буки, а потом науки». Недаром об этой книге с таким восторгом отзывался Герцен в письме к Огареву в феврале 1866 г.: «Читал и объяснял Лизе (её дочери.— Л. П.) «Самоучитель» Худякова — превосходно составленный учебник, т. е. из ряда вон. Очень жалею, что я его не знал прежде»⁶.

В своей последней и самой лучшей книге для народа «Древняя Русь», вышедшей без цензурного разрешения уже во время ссылки в 1867 г., Худяков снова обращается к фольклору. Разбирая широко известную встречу Вольги с Микулой Селяниновичем из былины о Вольге, Худяков так разъясняет смысл былины: «Вся княжеская дружина не может выдернуть из земли мужицкой сохи, а княжеский конь совершенно не может равняться с крестьянским». Кратко характеризуя песни о Степане Разине, Худяков отмечает, что «атаман и удалыцы сделались предметом многочисленных песен, народ до сих пор с любовью рассказывает о нем всякие предания». В этом высказывании интересно также и то, что Худяков, в противовес правительственной точке зрения, нигде не зовет Разина и казаков «разбойниками», «бунтовщиками», а всегда «удалыцами». Характерно, что и Белинский разбойничьи песни называет «удалыми»; мы вправе и здесь видеть определенную переключку.

В своей просветительской деятельности Худяков во многом является пионером, открывающим новые пути и методы. Худяков был первым, кто использовал «литературу для народа» в пропагандистских, просветительских целях. До него она была «на откуп» у любочных авторов и издателей с Никольской улицы или в руках писателей для народа из Московского и Петербургского комитетов грамотности — оплота реакционной царской политики одурманивания народа. Худяков первый умело и со вкусом использовал фольклор для пропагандистской работы. Его подбор пословиц, например, был классово направлен и заострен, он заставлял думать читателя и делать правильный вывод из прочитанного. Некоторые методы работы Худякова были впоследствии развиты народниками. Они не только использовали книжки Худякова в своей пропагандистской работе, но и составляли свои, еще более революционные лубки. Такова, например, широко известная «Сказка о 4-х братьях».

После Худякова возникли целые организации, поставившие своей целью внешкольное образование и просвещение народа. Но между Худяковым и либеральными просветителями лежит глубокая пропасть. Задача либеральных просветителей — дать народу образование в рамках существующего строя. Задача Худякова — не только просветить народ, но и заставить его думать, изменить его мирозерцание. Для либералов их деятельность — самоцель, для Худякова только средство. Нечего говорить о том, что по содержанию своей работы Худяков стоял неизмеримо далеко от беззубого либерального просветительства «меньшого брата».

Деятельность Худякова как этнографа и фольклориста предметом специального исследования еще не была. При жизни его работы вызывали оживленную полемику, с ними спорили или соглашались, но прямо же после ареста о Худякове замолчали. Имя Худякова, его труды постигла та же судьба, что и труды революционных демократов: они были исключены из поля зрения официальной науки. Прошло 40 лет, прежде чем был снят этот запрет: революция 1905 г. вызвала к жизни интерес к русскому революционному прошлому. О Худякове пишут в это время в газетах и журналах (преимущественно сибирских), говорят в общих

⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. под ред. Лемке, т. XVIII, Петроград, 1922, стр. 336—337.

чертах о его научной деятельности. Как бы в противовес этому реакционный профессор Е. Бобров посвящает ему три работы, в которых излагает его автобиографию, дает «анализ», по существу дискредитирующий его научную деятельность, и систематизирует библиографию о Худякове, содержащую фактические ошибки, неточности и пропуски. Критикуя Худякова справа, Бобров по сути дела искажает образ последователя великих русских революционеров-демократов. Только советские ученые правильно оценили смысл и значение революционной деятельности Худякова. Но имеющиеся характеристики его как ученого остались противоречивыми. Одни исследователи, рисуящие его только как революционера, называют его «болезненным, нервным фанатиком» (А. Тун), «каскетом и фанатиком, упрямо преследующим одну завладевшую им идею» (Г. Лопатин). Другие, знакомые с ним как с ученым, считают, что это — человек чистой науки, случайно замешанный в Караказовском процессе и невинно пострадавший (Э. Пекарский и др.). В сущности политическая деятельность Худякова насильственно отрывалась от его научной работы. И. А. Худяков был одновременно и революционером и ученым. Из этого надо исходить.

Худяков рано увлекся наукой. 18-летним студентом он уже выпускает свою первую книжку — «Сборник великорусских народных исторических песен», которую предназначал для юношеского чтения. Худяков считал, что для понимания истории его сборник может дать больше, чем сухой учебник. В этом сборнике Худяков напечатал не свои собственные записи, а уже опубликованные ранее. Из 28 текстов сборника 5 посвящены Степану Разину и казакам. Песни о Разине выбраны Худяковым такие, которые сочувственно рисуют его как вождя крестьянской революции. Реакционный рецензент этой книги упрекает Худякова в частности за то, что он не включил в сборник ту песню, где Разин именуется разбойником и чумой. Среди других исторических песен встречаются варианты с острым социальным смыслом. Так, Худяков помещает в сборник историческую песню 1812 г., заканчивающуюся предсмертной просьбой солдата дать ему перо и бумагу: он напишет письмо, как генерал

Много силы издержал,
Уж он пропил, промотал,
Досталь в карты проиграл.

В том же 1860 г. выходит I выпуск сборника «Великорусские сказки». Этот сборник доставил автору широкую известность и прочно вошел в число лучших публикаций русского сказочного эпоса. Даже краткий обзор этого сборника, выходявшего в 3 выпусках с 1860 по 1862 г., показывает, какую большую работу проделал Худяков при его составлении. В нем находится 122 сказки, записанные большей частью лично самим Худяковым в центральных губерниях Европейской России — Рязанской, Московской, Тульской, Казанской, Орловской и др. В сборнике есть сказки, записанные в городах — Москве, Казани и т. д., — факт сам по себе замечательный для середины XIX в., когда фольклор в городах почти не записывался.

Сборник Худякова вызвал живой интерес у современников: на сборник было дано 8 рецензий. Являясь живым откликом общественно-политической борьбы той эпохи, рецензии на работу Худякова были двоякие. Одни относились к ней положительно, указывали ее смысл и значение, указывали и на недостатки, но с тем, чтобы улучшить, а не опорочить его труд. Другие рецензии четко отразили отношение консервативных слоев общества к молодому ученому, в них работа Худякова характеризовалась как лишенная научного значения. Такова

рецензия, помещенная в официальном научном органе — «Известиях Академии Наук»⁷, рецензия А. Филонова⁸ и др.

Худякова обвиняли в том, что он записывает и публикует тексты сказок без соблюдения фонетических особенностей, обычным литературным языком, что это не подлинные сказки, а пересказы сказок, в которых много позднейших вставок. Действительно, Худяков фонетических особенностей языка не отмечал, но это вовсе не значит, что он их обрабатывал. В своей автобиографии он писал, что «считал текст сказок неприкосновенным наравне с текстом священного писания».

Паспортизация сказок Худякова стоит на уровне того времени, т. е. указана географическая локализация сказки, но нет никаких сведений о сказочниках. Следует особо отметить интерес Худякова к сказке литературного происхождения. Он записал сказки о Бове, о Соломоне, об Аполлоне, и его записи являются одним из главных источников для изучения бытования сказки книжного происхождения в то время. Комментарий к сказкам Худяков собирался дать дважды, но так и не дал. По цензурным условиям ему не удалось опубликовать и многих записанных им сказок, в которых особенно четко выступали социальные моменты. Эти сказки были отображены у Худякова при аресте.

Худяков был собирателем и издателем не только сказок, но и загадок. Надо указать, что о Худякове — собирателе и исследователе загадок — почти забыли, а между тем он сам собрал и извлек из печатных источников и систематизировал около двух с половиной тысяч загадок, которые и опубликовал в двух сборниках «Великорусские загадки».

Один из них вышел отдельным изданием в 1861 г., другой вошел в VI том «Этнографического сборника». Худяков применил новый, очень удобный для пользования метод расположения загадок по алфавиту разгадок (Садовников впоследствии, однако, отказался от этого метода и вернулся к старому тематическому расположению загадок).

Второй свой сборник Худяков составил по поручению Этнографического отдела РГО, на основе хранящихся там собраний. Работа Худякова заслужила полное признание. Действительный член общества Н. В. Калачев дал ей положительный отзыв; Худякову была присуждена серебряная медаль РГО.

Изданием сборников сказок и загадок Худяков сделал немалый вклад в науку. После этих сборников он не опубликовал уже больше никаких фольклорных сборников, но широко использовал тексты народного творчества, включая их в свои исследовательские работы. Худяков — исследователь — неотделим от Худякова — публикатора фольклора. Эта связь может быть прослежена уже в его последнем сборнике загадок, которому он предпослал большую вступительную статью исследовательского характера. Значительное место в его работах занимают рецензии на те или иные публикации других ученых. В этих рецензиях Худяков часто высказывает свою точку зрения на принципы публикации фольклорных произведений. Такова его первая рецензия «По поводу двух выпусков песен П. В. Киреевского»⁹, которую он написал 19-летним студентом, и особенно рецензия, которую исследователи творчества Худякова по каким-то причинам выпустили из поля зрения, на 2-ю часть «Песен, собранных Рыбниковым»¹⁰. Рецензия эта примечательна не только интересными сибирскими вариантами к песням Рыбникова, но и теоретическими положениями Худякова. Указав на значение сборника, Худяков правильно говорит о связи былины о Соломоне со сказкой о нем, — для 60-х гг. XIX в., когда о связи былинного и сказочного эпосов только начинали догадываться, это замечание свидетельствует о

⁷ Известия АН по отдел. русск. яз. и словесн., 1861, IX, выл. 4, стр. 249—251

⁸ «Журн. Мин. нар. просв.», 1861, № 7, отд. 3, стр. 29.

⁹ «Московские ведомости», 1861, № 44, стр. 357.

¹⁰ «Время», 1862, № 12, отд. 2, стр. 104—109.

большой прозорливости автора. Худяков протестует против того, чтобы публикаторы сами давали названия произведениям народного творчества, тем более, что они не всегда удачны.

Вторую часть своей рецензии Худяков посвящает полемике с Бессоновым. В ней он спорит с произвольными толкованиями и натяжками, которые допускает Бессонов, требует соблюдения пропорций между вступительной статьей и публикацией текста, говорит о необходимости удешевить издание. Рецензия в целом свидетельствует не только о большой начитанности молодого фольклориста, но и о ясном понимании задач собирателя и исследователя фольклора.

Большую часть исследовательских работ Худякова составляют статьи по сказковедению. Сказкам Худяков уделял основное свое внимание, а в 1862 г. задумал даже издавать повременное издание «Сказочный мир». Б. П. Козьмин отыскал прошение Худякова и программу предполагавшегося журнала¹¹, который был, однако, запрещен министром внутренних дел Валуевым. Подготовленные к 1-му выпуску тексты Худяков издал в 1863 г. отдельной книжкой под заглавием «Материалы для изучения народной словесности». Она состоит в основном из публикации болгарских, сербских и финских сказок, полученных от Григоровича и Буслаева; здесь же опубликованы некоторые записи Г. Н. Потанина и небольшое исследование самого Худякова «Смерть Святогора и Ильи Муромца». Различным проблемам сказковедения посвящены и еще две его статьи: «Основной элемент народных сказок»¹² (каковым, по его мнению, является миф) и «Народные исторические сказки»¹³. Последняя из них сохранила свое значение до наших дней. Она была сильно урезана цензурой, но и в дошедшем до нас виде хорошо характеризует взгляды Худякова на народное творчество. Худяков говорит в своей статье, что сказки отразили в своем содержании не только мифы, но и историческую действительность. Он один из первых фольклористов обратился к летописи и указал на большое число входящих в нее сказочно-легендарных преданий с языческим (а не христианским) колоритом. Худяков жалеет, что «наши сведения еще так малы, что мы не можем представить ни одного преданья о более поздних временах, например, хоть о Пугачеве... О нем, наверное, есть не мало всяких преданий... Недаром же чувашаи и черемисы ведут от него летоисчисление. Их старики считают свои годы и определяют хронологию разных народных событий от пугачевщины...»¹⁴. Статья заканчивается анализом сказок о Петре I и Иване Грозном, в котором Худяков подчеркивает сближение Петра с народом и «товарищеское с ним обращение».

Во введении к своей статье Худяков писал: «По некоторым обстоятельствам мы считаем неудобным в настоящее время представить полный очерк народного взгляда на свою историю»¹⁵. Такой очерк он дал в уже упоминавшейся выше книге «Древняя Русь».

Статьей «Народные исторические сказки» заканчивается первый период научной деятельности Худякова. За это время он издал 6 книжек и опубликовал несколько статей в периодической печати. Оставив научную работу ради революционной деятельности, Худяков возвращается к собиранию и изучению фольклора в ссылке. Первое время он упорно и плодотворно работает и за первые два года, изучив якутский язык, составляет русско-якутский словарь, якутскую грамматику, переводит на якутский язык Библию, записывает якутские песни, сказки, загадки и пословицы, пишет несколько статей исторического и этнографического

¹¹ М. Клевенский, И. А. Худяков-революционер и ученый, М., 1927, стр. 29.

¹² «Библиотека для чтения», 1863, № 12, стр. 38—45.

¹³ «Журн. Мин. нар. просв.», 1864, № 3, стр. 43—69.

¹⁴ Там же, стр. 45—46.

¹⁵ Там же, стр. 45.

содержания, которые затерялись в дебрях губернаторских архивов. Из всей этой самоотверженной, можно сказать, подвижнической работы до нас дошли лишь часть записей якутского и русского фольклора да сведения об одной рукописи под названием «Краткое описание Верхоянского округа». Ее видел в 1913 г. И. Я. Миронов; он сообщил и ее содержание: 1) Физико-географический очерк Верхоянского округа, 2) Растительность, животные, пища, 3) Русские, 4) Ламуты, 5) Исторические предания якутов, 6) Обычаи и общежития, 7) Игры, 8) Свадебные обычаи, 9) Семья, роды, 10) Новоселье, 11) Обычаи на промыслах, 12) Конный и рогатый скот, 13) Исыэх, 14) Мифология, 15) Колдовство и шаманство, 16) Умственное развитие. Рукопись содержала 174 страницы убористого текста и имела еще дополнение, включавшее: 1) Пути сообщения, станции и повозки, 2) Метеорологические наблюдения, 3) Шаманы, покойники, 4) Список якутских богов и дьяволов, 5) Словарь якутских названий животных, 6) Словарь якутских имен, 7) Дополнение к якутско-русскому словарю, 8) Чаргахан (общеизвестная сказка)¹⁶. Ничего, кроме этого, нам о рукописи не известно, а между тем это единственная работа, в которой он выступает в качестве исследователя не только духовной, но и материальной культуры народа. Судя по оглавлению, эти исследования были очень полны и основаны к тому периоду жизни якутов, от которого до нас почти не дошло сведений. Худяков в своей работе, видимо, совсем не коснулся некоторых сторон быта. Так, он ничего не говорит об одежде и жилище якутов, предметах и орудиях, об оружии, предметах культа, о якутском орнаменте и т. д. Гораздо полнее Худяков охватил духовную культуру (обряды, игры, верования, обычаи, предания и т. д.).

Основным трудом, по которому мы судим о научной деятельности Худякова в Верхоянске, являются его записи якутского фольклора. Они были сохранены верхоянской мещанкой Х. Гороховой и после долгих мытарств попали в Восточно-Сибирский отдел РГО, который и опубликовал их в 1899 г. в своих записках (т. I, в. 3) под названием «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым».

Худяков записывал якутский фольклор на якутском же языке с параллельным переводом на русский. «Верхоянский сборник» содержит только русский перевод. Якутские тексты были изданы еще позднее Э. Пекарским на якутском языке¹⁷. Это издание обычно не учитывается библиографами и исследователями творчества Худякова.

У нас нет никаких сведений, которые говорили бы о том, что Худяков сам подготовил свой труд к печати, поэтому мы не в праве рассматривать «Верхоянский сборник» как публикацию самого Худякова. Но анализ этого сборника может дать интересные сведения о работе Худякова-собиравателя. Этот анализ дает возможность представить себе более или менее полный образ собирателя-разночинца.

Худяков собирал не только в деревне (как этого требовали славянофилы), но и в городах. Он стремился к полноте и точности записи, никогда и ничего не добавляя от себя. Если в начале своей научной деятельности Худяков записывал тексты литературным языком, то записи «Верхоянского сборника» свидетельствуют о том, что Худяков начал придерживаться фонетического принципа (см. его записи русских сказок от уроженца села Русское Устье, в которых сохранены и лексические и фонетические особенности языка).

¹⁶ См. статью И. Я. Миронова «Ценная рукопись И. А. Худякова» в «Сибирском архиве» за 1913 г., № 4, стр. 222—223.

¹⁷ «Образцы народной литературы якутов», изд. под ред. Э. К. Пекарского, вып. 1, СПб., 1913; вып. 2, Петроград, 1918.

В ссылке он записывал не только текст произведения, но и отмечал его связь с другими жанрами народного творчества, условия его исполнения. В позднейших записях Худякова мы видим стремление записать фольклорное произведение в момент его исполнения. Так, Худяков записал замечательную песню-импровизацию девушки-якутки, отметив в те реплики, которые делали слушатели. По записям былин «Верхоянского сборника» также можно предположить, что он их записывал с голоса, так как он не успел записать весь стих до конца, а записал только половину стиха (стр. 309).

Таков краткий очерк работы Худякова — собирателя фольклора, публикатора и исследователя фольклора. Какие общие выводы можно сделать из анализа его научной деятельности?

Прежде всего требует объяснения бросающаяся в глаза мифологичность взглядов Худякова, которую реакционные исследователи творчества Худякова считали признаком принадлежности его к мифологической школе и объясняли тем, что учителями Худякова были Варенцов и Буслаев. Худяков в работе о загадках и в статье «Основной элемент народных сказок», действительно, пытается установить связи фольклора с мифами. Но значит ли это, что Худяков принадлежал к мифологической школе фольклористов? Надо помнить, что экскурсы в область мифологии встречаются в работах самых различных ученых: есть такие проблемы этнографии, при решении которых ученые исследуют мифы и в наши дни, но это вовсе еще не значит, что они «мифологи». Мы встречаем признание роли мифа в истории искусства и в «Поэтических красотах» Чернышевского, но никто не причислит его к числу сторонников мифологической школы. Не нужно забывать того, что в начале 60-х гг., когда писал свои статьи Худяков, наука еще часто только искала пути для объяснения многих этнографических явлений. Лучшие ученые того времени только начинали догадываться об ошибочности мифологической школы; это выражалось главным образом в их критике ее основных положений. Одновременно Добролюбов и Чернышевский развернули борьбу с ней, вскрыв ее реакционную сущность.

Худяков в своих ранних работах действительно доверчиво относился ко всеобъемлющей теории мифологической школы. Но по мере того как Худяков ближе знакомился с Буслаевым, с Сухомлиновым и со Срезневским в нем возникало и углублялось сомнение в правильности позиций мифологов (или, как их называл Худяков, «археологов»). Единство научной и общественной деятельности Худякова позволило ему понять реакционный смысл взглядов «археологов». Худяков записал, например, циничное признание Ф. И. Буслаева, сделанное им в откровенном разговоре: «Я не дурак... мне своя голова дорога. Если одержат верх революционеры, придут ко мне: «Да помилуйте, господа,— скажу я,— вот так и так, я всегда держал вашу сторону». Если одержит верх правительство, опять скажу: «Да ведь я всегда был с вами, господа!»¹⁸ Возмущение беспринципностью и реакционностью буржуазных ученых все более усиливалось и стало особенно заметным у Худякова после польских волнений 1863 г.

Худяков так описывает в своей биографии свои встречи с «археологами»: «В то же время археологи возмущали меня своим равнодушием к насущным потребностям народа. Мало того, некоторые из них прямо брали на себя обязанности III отделения. На археологических вечерах у И. И. Срезневского постоянно можно было слышать о политическом настроении молодежи.

— Что Чернышевский! — Вот в наше время Сенковский был!

¹⁸ И. А. Худяков, Записки каракозовца, М.—Л., 1930, стр. 54.

— Они там в «Современнике» хотят революцию сделать! — вопиял Срезневский.

— Я думаю, все честные люди должны собраться и сделать контр-революцию и крестовый поход против невежества.

Понятно, что такие выходы в связи с мелочностью личных интересов археологов отвлекали меня от общения с ними совершенно в другую сторону»¹⁹.

Этой другой стороной был лагерь революционных демократов «Современника», просветительская и революционная работа. «Насущные потребности народа» — вот что волновало Худякова, и он откликнулся на них изданием просветительских книжек. Но не только в этой области сказалось изменение взглядов Худякова. Оно произошло в его научном мировоззрении. Вокруг Худякова шла ожесточенная борьба. «Археологи» направляли его на путь «чистой науки». «Современник» упорно во всех рецензиях на труды Худякова разоблачал мифологов и призывал заняться современностью. Показательна в этом плане рецензия в «Современнике» на VI том «Этнографического сборника», в котором, как известно, были помещены «Великорусские загадки» Худякова. В этой рецензии дается прежде всего общее понимание этнографии «Современником», которое значительно разнится от официальной трактовки этой науки. «Область этнографии весьма обширна, — пишет неизвестный рецензент, — в нее входит не только то, чем собственно и ограничивалась обыкновенно наша этнография — сказки, песни, пословицы, свадебные обряды, поверья и т. п., т. е. не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей... Этнография наша значительно могла бы выиграть, если бы дала больше места... современным бытовым вопросам»²⁰. (Подчеркнуто везде мной. — Л. П.).

Переходя к разбору работы Худякова, рецензент предостерегает его от увлечения крайностями мифологической теории. «Мы заметили бы только автору, что напрасно он прилагает излишнее усердие к отысканию мифического смысла в таких загадках, где этого смысла никак невозможно доказать»²¹. Автор рецензии предлагает Худякову предоставить заботиться о мифическом «небесном корабле» г. Буслаеву.

Худяков всегда учитывал пожелания рецензентов прогрессивных журналов («Современника», «Отечественных записок», «Книжного вестника»). Он, например, прислушиваясь к рецензиям, вносил исправления в свои книжки для народа. В изменении его научной деятельности несомненно сыграли роль работы революционных демократов и статьи передовой журналистики того времени. Под влиянием революционно-демократической науки Худяков все дальше и дальше отходил от мифологической школы. Его последняя работа об исторических сказках ясно свидетельствует о том, что Худяков преодолел мифологическую теорию и старался найти свои, новые пути, объяснения и толкования сказок. И то, что Худяков обратился к истории, — показательно и закономерно. Исторического подхода к анализу современных явлений быта и явлений прошлого требовали революционные демократы. Историческими проблемами особенно в этот период интересуется «Современник».

Преодоление Худяковым в середине 60-х годов основ мифологической теории естественно завершило критическое отношение к ней, намечавшееся в его работах с самого начала научной деятельности и выразившееся прежде всего в своеобразии собирания им фольклора.

¹⁹ Там же, стр. 76—77.

²⁰ «Современник», 1864, № 10, стр. 192.

²¹ Там же, стр. 196.

В противовес мифологам, он собирает не только в деревне, но и в городе. Не внимая рецензентам мифологического толка, он продолжает собирать и записывать сказки книжного происхождения. Он записывал не только полные, хорошо сохранившиеся богатырские и фантастические сказки, но и короткие сказки,— это особенно хорошо видно на примере его записей в Верхоянске. Но самое главное — это оценка фольклора Худяковым как факта социального значения. Для мифологов фольклорные памятники — это осколки более или менее сохранившихся мифов. Чем древнее памятник, чем дальше от современности, тем он «чище», тем с большей охотой занимаются им мифологи. Для Худякова фольклор — это не столько осколок мифа, сколько живая современность, свидетельство социально-общественных отношений. Худяков занимается древностью не потому, что его к ней очень тянет, а потому, что цензура не дает возможности заняться Разиным и Пугачевым, не говоря уже о крестьянских волнениях XIX века. И чем старше становится Худяков, тем сознательнее он делает упор не на мифологической трактовке фольклора, а на выяснении исторических реалий, классово-общественных отношений в песне, сказке, поговоре и т. д. Прямо он не мог сказать об этом, но его подбор пословиц и загадок, песен и поговорок в книгах для народа ясно свидетельствует об изменившемся отношении к фольклору.

Худяков — ученый широкого кругозора, чуткий общественный деятель, стойкий борец за народ. Для него не существовало науки ради науки, он понимал ее как одно из средств общественно-революционной деятельности. Профессор Бобров соболезновал: «Нельзя не пожалеть, что при своих дарованиях Худяков не отдался науке всецело без раздела...» А Худяков — революционер и ученый — никогда не отделял «научных» работ от книг для народа. Характерно, что и в популярных изданиях Худяков был строго научен; он не допускал вульгаризации и упрощенчества. Отношение Худякова к фольклору в целом резко отделяет его от реакционной мифологической школы с ее романтико-идеалистическим возвеличением прошлого, с ее искажением облика трудового народа. Фольклор для Худякова — это не убежище от современной бурной жизни, это верный спутник в борьбе, не знающее отказа оружие. Недаром в своей автобиографии, рассказывая о судьбе революционера, попавшего в руки III отделения, он сравнивает его со сказочными героями-богатырями. Какой мифолог рискнул бы сравнить богатыря русских сказок с революционером 60-х гг.?

Вся научная работа Худякова находится в глубокой диалектической связи с его просветительством, с его революционной деятельностью, являясь предверием этой деятельности и ее необходимой частью. Осознанное противопоставление различно-демократического понимания фольклора официальной трактовке его заставляет связать собирательскую и исследовательскую деятельность Худякова со славной традицией революционных демократов, для которых научное поприще было делом революционной пропаганды, а революционное просветительство было глубоко научно.

Можно привести достаточно данных, подтверждающих влияние работ революционных демократов на труды Худякова и своеобразную ответственность во взглядах на фольклор, в понимании идейной сущности фольклора. Вот несколько ярких примеров. В своей замечательной для того времени статье «Народные исторические сказки» Худяков призывает к собиранию преданий о Пугачеве и Разине, ратуя за широкую демократизацию науки, за поддержку местных этнографов и фольклористов²². Эти требования Худякова надо связать с той широкой программой демократизации науки, которую проводили в своих работах и

²² «Журн. Мин-ва нар. просв.», 1864, № 3, стр. 46.

Белинский, и Добролюбов, и Чернышевский, и руководимый ими «Современник». Едь это к местным любителям обращался Добролюбов с призывом собирать народную поэзию на новых основаниях. На страницах «Современника» появляются рецензии Добролюбова и Чернышевского на провинциальные этнографические издания. Добролюбовскую традицию продолжает Худяков, когда постоянно помещает в своих изданиях сибирские записи Г. Н. Потанина, зарайские С. И. Бочарникова, анализирует сказки самарского учителя Карлина и т. д. Та же преемственность видна во взглядах Худякова на народ и на его историю. Но не только в своих мировоззренческих позициях Худяков исходил из принципов революционного демократизма. В своей конкретной собирательской деятельности Худяков также следует учению Белинского — Добролюбова. Худяков стремился записывать все, что он слышал и что являлось действительным выражением народного миропонимания. Надо в связи с этим напомнить, что еще в 1857 г. Добролюбов в споре с И. И. Срезневским по поводу материалов вятского этнографа Осокина утверждал, что этнограф обязан изучать все (под этим подцензурным выражением, как это выясняется ниже, Добролюбов понимал «непосредственное отношение к умственной и нравственной жизни народа»), а «позднейший исследователь отделит, что составляет сущность, что случайность».

Худяков не печатался в «Современнике», но основные положения его научных и популярных работ с примечательной последовательностью следуют за основной линией общественно-исторических взглядов журнала, свидетельствуя о близости этого ученого революционно-демократическому направлению. Вот один из показательных фактов. Как известно, женский вопрос в «Современнике» конца 50-х и начала 60-х гг. XIX в. был одним из самых злободневных. На эту тему дискутировали многие журналы, вышли книги и статьи, посвященные положению женщины в древней Руси (среди них нужно выделить известную работу Буслаева и книгу В. Шульгина «О состоянии женщины в России до Петра Великого», 1857), появились более или менее пространственные рецензии на них. Было высказано два противоположных взгляда на положение женщины в древней Руси. Реакционные и консервативные исследователи идеализировали древнерусскую женщину и переводили всю проблему в план узко-научного сугубо-отвлеченного решения. Прогрессивные передовые деятели, наоборот, в анализе древнерусского материала искали пути освещения современных проблем. Откликнулся на эту тему и Худяков. По какому пути он пошел? Безусловно, не по пути Ф. И. Буслаева, который, как правильно отметил «Современник», «отыскивает читателю застарелые идеалы Юлианий и тому подобных древностей — этим дело оканчивается»²³. Худяков рассказывает о высоком и прекрасном образе женщины в русских песнях и сказках и о бесправном, тяжелом положении женщины в быту. «Женщина допетровской Руси», — как назвал свой очерк Худяков, — это не княгиня, не дворянка, не царица — это женщина из народа. Особо останавливается Худяков на положении женщины в Новгороде, ее относительной свободе и политических правах, рассказывает о Марфе Борецкой. Автор не только не идеализирует древнюю Русь, но убедительно показывает, какие зверства и бесправия нес с собой «Домострой», умело раскрывает перед читателем «бедственные черты того времени» — голод, мор, бескультурие и т. д.²⁴

Почти одновременно с работой Худякова выходит «историческое исследование» А. Добрякова «Русская женщина в до-монгольский пери-

²³ «Современник», 1864, № 10, стр. 172.

²⁴ «Модный магазин», 1863, № 20—22.

од» (СПб., 1864), которое представляет собой полнейшую противоположность очерку Худякова, хотя материал обоих авторов один: летописи, былины, сказания и т. д. Книга вызвала суровую отповедь «Современника», показавшего ложность исторического метода Добрякова, некритический подход к источникам, преднамеренность в оценке и т. д. Сопоставление содержания двух этих книг ясно показывает, куда шел Худяков, чьих взглядов он придерживался, какие идеи он привнес читательницам «Модного магазина».

Но, решив один вопрос о принадлежности Худякова к мифологической школе, следует ответить и на другой, сам собой напрашивающийся: а кем же был Худяков, если не мифологом? Можно ли его считать революционным демократом 60-х гг.?

Речь идет, конечно, не о личных отношениях (Худяков сам пишет в автобиографии, что прибыл в Петербург и не застал там общего «либерализма: это было уже после ареста Чернышевского»), а о том, какое влияние на него могли оказать и действительно оказали труды великих просветителей-демократов.

Не приходится сомневаться в том, что Худяков хорошо знал работы Белинского, Добролюбова и Чернышевского. В своей первой печатной работе — в сборнике исторических песен — Худяков опирается на авторитет Белинского, когда говорит в предисловии о необходимости для юношей исторического чтения. Из громадного числа стихотворений, имевшихся в его распоряжении, он вымал для своего «Самоучителя» лишь два: «Сеятель» Никитина и «Жалобу ребенка» Добролюбова. В своей автобиографии он очень сочувственно говорит о Чернышевском, о его громадной популярности в 60-е гг. и о связанном с ним подъеме «либерализма». Но уже анализ его взглядов на фольклор, на народ показал, что связь Худякова с революционными демократами нужно искать не в ссылках и сносах на их труды: Худяков не мог по цензурным условиям открыто высказать свою точку зрения, свои симпатии и антипатии. Вся деятельность Худякова, за короткий отрезок времени сумевшего добиться многого, ясно свидетельствует, к какому лагерю принадлежал этот незаурядный человек. В его лице мы видим крупного деятеля пропагандистской, просветительной литературы. Он пошел по пути использования фольклора для пропаганды революции; он продолжил борьбу, начатую еще Белинским, с «триединой» формулой православия, самодержавия и народности оружием своего врага — древнерусским материалом (книга «Древняя Русь»).

Вопрос о том, кем был Худяков, требует своего разрешения еще и потому, что в советской научной литературе есть тенденция к стиранию грани между Худяковым и Добролюбовым. А между тем полных оснований для того, чтобы считать Худякова революционным демократом, у нас нет. В нем были заложены многие черты революционного демократизма, но, быть может, из-за внешних причин они не получили полного развития. Вполне вероятно, что Худяков в конце концов стал бы настоящим боевым революционным демократом. Однако в том объеме его революционной, просветительской и научной деятельности, который нам известен, еще многого недостает для того, чтобы причислить его к славной плеяде революционных демократов. В самом деле, мы не найдем у Худякова глубоких теоретических обобщений ни в области политики, ни в области науки. Он не был страстным публицистом, на страницах которого воспитывались бы последующие поколения молодых людей. Его политические идеалы ограничивались буржуазной конституцией, «революцией сверху». Вопросы эстетики и философии, столь характерные для всех революционных демократов, были чужды Худякову и т. д.

Худякову не хватало той глубины и остроты мысли, которые так характерны были для его учителей. Он — несомненный ученик Белинского и Добролюбова, верный и талантливый последователь их ученья,

умелый и инициативный пропагандист их теоретических положений, но он не революционный демократ в том смысле слова, в котором мы сейчас понимаем его.

Значит ли из этого, что исследование его научного наследия не имеет для нас значения? Безусловно, нет. Худяков дорог и ценен нам уже теми трудами, которые он оставил нам. Мы с удовлетворением отмечаем в его творчестве, в его практической собирательской работе интерес к современности в фольклоре, к актуальным задачам науки того времени. Мы видим, что в своей собирательской и исследовательской практике Худяков шел за революционными демократами, пропагандировал и развивал их теоретические положения. Своими сборниками, статьями и популярными книгами Худяков много сделал для того, чтобы учение революционных демократов не осталось неизвестным широкому слою читающей публики и «местным любителям» фольклора. В этом смысл его деятельности, в этом его почетное положение последнего революционных демократов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Труды И. А. Худякова и рецензии на них

- Худяков И. А., Великорусские загадки, М., 1861.
- Худяков И. А., Великорусские загадки, «Этнографический сборник», 1864, вып. VI, № 6, стр. 2—128. Рец.: 1) Полевой П. Н., Новые книги. Фельетон, «СПб. Ведомости», 1864, № 286, стр. 1125; 2) Без автора. «Современник», 1864, № 10, стр. 192—202; 3) Садовников Д., Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач, СПб., 1876, предисловие.
- Худяков И. А., Великорусские сказки, вып. 1—3, М. СПб., 1860—1862. Рец.: 1) К-ий В., Великорусские сказки И. А. Худякова, «Русское слово», 1861, № 1, стр. 65—77; 2) Филонов А., Русская народная песня, «Журн. Мин. нар. просв.», 1861, № 7, стр. 29; 3) Без автора. «Библиографические записки», 1861, № 3, стр. 95; 4) Без автора. «Век», 1861, № 1, стр. 38; 5) Без автора. «Время», 1861, № 4, стр. 163—181; 6) Без автора. Изв. Академии Наук по отделению русского языка и словесности, 1861, т. IX, вып. 4, столб. 249—251; 7) Без автора. «Книжный вестник», 1861, № 7—8, стр. 106; 8) Без автора. «Отечественные записки», 1861, № 2, стр. 110.
- Худяков И. А., «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым», Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии, Иркутск, 1890, т. I, вып. 3. Рец.: 1) А. В. (А. Н. Пыпин), Верхоянский сборник И. А. Худякова, «Вестник Европы», 1890, № 9, стр. 396—398; 2) Пекарский Эд., Замечк по поводу редакции «Верхоянского сборника И. А. Худякова», Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО, 1895, т. XXVI, № 4—5, стр. 197—207.
- Худяков И. А., Древняя Русь, СПб., 1867. Без цензурного разрешения. Печатано в типографии Куколь-Яснопольского.
- Худяков И. А., Женщина допетровской Руси, «Модный магазин», 1863, № 20—22.
- Худяков И. А., «Жизнь природы и человека», Женева, 1867.
- Худяков И. А., Записки каракозца, Молодая гвардия, М.—Л., 1930.
- Худяков И. А., Материалы для изучения народной словесности, СПб., 1863. Рец.: «Отечественные записки», 1863, № 9, отд. II, стр. 39—40.
- Худяков И. А., Материалы для истории цензуры при Александре II (Извлечение из бумаг И. А. Худякова), «Общее дело», Женева, 1877, № 1, стр. 15—16.
- Худяков И. А., Народные исторические сказки, «Журн. Мин. нар. просв.», 1864, № 3, стр. 43—69.
- Худяков И. А., Образцы народной литературы якутов, ч. I. Тексты. Образцы народной литературы якутов, изд. под ред. Э. К. Пекарского, т. II, вып. II, Пгтр., 1918; вып. I, СПб., 1913.
- Худяков И., Основной элемент народных сказок, «Библиотека для чтения», 1863, № 12, стр. 38—45.
- Худяков И., По поводу двух выпусков песен П. В. Киреевского, «Московские ведомости», 1861, № 44, стр. 357—359.
- (Худяков И. А.) Рассказы о великих людях средних и новых времен, изд. П. А. Гайдебурова, СПб., 1866; 2-е изд., СПб., 1871.
- Худяков И. А., Рассказы о старинных людях, вып. 1—4: 1) Древние индийцы и египтяне, СПб., 1864; 2) Древние финикийцы, ассирийцы и персы, 1865; 3) Древние греки, СПб., 1865; 4) Древние римляне, СПб., 1865. Рец.: 1) «Рассказы о старинных людях», вып. 1, «Книжный вестник», 1864, № 9, стр. 167; вып. 2—4, «Книжный вестник», 1865, № 7, стр. 132; 2) «Рассказы о старинных людях»,

- вып. 1, «Журнал для родителей и наставников», 1864, № 15, стр. 27—30; 3) «Рассказы о старинных людях», «Отечественные записки», 1865, № 6, кн. 2, стр. 287—289; 4) «Рассказы о старинных людях», «Современник», 1865, № 2, стр. 311—314.
- Худяков И., Рецензия на «Песни, собранные П. И. Рыбниковым», ч. II, М., 1862; «Время», 1862, № 12, отд. II, стр. 104—109.
- Худяков И., Русская книжка. I. Сказки, пословицы, загадки, песни, Русские города. Былины. II. Стихотворения, рассказы, басни. Народный месяцеслов. СПб., О. И. Бакст, 1863. Рец.: 1) Бобров Е., Две книжки для народа в шестидесятые годы, «Варшавские университетские известия», 1911, № 1, стр. 12—20; 2) К. Б., Библиографический листок, «Русское слово», 1864, № 7, стр. 58—59; 3) «Русская книжка» (рец. на нее), «Книжный вестник», 1863, № 24, стр. 437—438.
- (Худяков И. А.) «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», СПб., 1865, изд. Е. П., ц. 25 коп. Рец.: «Книжный вестник», 1866, № 17, стр. 323—324.
- Худяков И., Сборник великорусских народных исторических песен, М., 1860.

II. Основные работы об И. А. Худякове

- Азадовский М. К., Добролюбов и русская фольклористика, Литература и фольклор, Л., 1938, стр. 154—195.
- Белозерский, Иван Александрович Худяков, «Сибирская мысль», 1907, № 130, 133, и «Сибирская жизнь», 1907, № 3.
- Белый Я., Три года в Верхоянске, «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (кн. 14), стр. 205—219. О Худякове, стр. 211—213.
- Бобров Е. А. Из биографии И. А. Худякова, Известия ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 1, стр. 89—90.
- Бобров Е. А., Мелочи из истории русской литературы, XX, Труды И. А. Худякова в области русской словесности и фольклора, «Русский филол. вестник», 1908, № 4, стр. 361—363.
- Бобров Е. А. Научно-литературная деятельность Ивана Александровича Худякова, «Журн. Мин. нар. просв.», 1908, № 8, стр. 193—240.
- Богучарский В., Активное народничество 70-х годов, М., 1912, стр. 54 и сл.
- Богучарский, Общественное движение 60-х годов, «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 207—209.
- Брагинский М. А. (ред.), В якутской неволе. Сб. материалов и воспоминаний, М., 1927, О Худякове — стр. 15, 183, 186, 203.
- Бух Н. К., Воспоминания, М., 1928, стр. 52.
- Ветринский, Н. Г. Чернышевский и каракозовцы, «Русская мысль», 1913, № 2, стр. 102—107.
- Волховский Ф., Друзья среди врагов (Из воспоминаний старого революционера), СПб., 1906, стр. 4.
- Гернет М. Н., История царской тюрьмы, т. II, М., 1946. О Худякове, стр. 314, 320, 321, 324.
- Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861—1881), ч. I, СПб., 1913, стр. 308 и сл.
- Дубровский К., Забытый этнограф-фольклорист, «Сибирские записки», 1916, № 2, стр. 147—157.
- Дубровский К., Рожденные в стране изгнания, Пггр., 1916.
- Евгеньев В., Дело Каракозова и редакция «Современника», «Заветы», 1914, № 6, стр. 76—98.
- Есипович (сенатор). Записки сенатора Есиповича, «Русская старина», 1909, № 1—5 (№ 3, стр. 557).
- «Защита государственного порядка», «Вперед», 1873, т. I, отд. II, стр. 77 и сл.
- Земфир Ралли-Арборе, Сергей Геннадьевич Нечаев (из моих воспоминаний), «Былое», 1906, № 7, стр. 136—146; Из Иркутска, «Вперед», т. II, 1874, стр. 112; Из Петербурга, «Колокол», л. 221, 1866, стр. 1806.
- «Календарь «Народной воли» на 1883 г.», Женева, 1883, стр. 150.
- Каспрович Э. Л. (изд.), Белый террор или выстрел 4 апреля 1865 г. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции, Лейпциг, 1875, стр. 36, 44.
- Клевенский М., «Европейский революционный комитет» в деле Каракозова. Революционное движение 60-х годов, М., 1932, стр. 22, 139—141, 145, 147, 149—151, 154—167.
- Клевенский М. М., Ишутинский кружок и покушение Каракозова. 2-е изд., М., 1928. Рецензия: Козьмин Б., М. М. Клевенский, Ишутинский кружок и покушение Каракозова, 2-е изд., М., 1928, «Историк-марксист», 1928, т. 10, стр. 251.
- Клевенский М., Материалы об И. А. Худякове, «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9, стр. 221—231.
- Клевенский М. М., Котельников К. Г., Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. 1—2, М., 1928—1930. Дознание Худякова, т. I, стр. 34—61.
- Клевенский М. М., И. А. Худяков революционер и ученый, М., 1929. Рецензия: «Летописи маркизма», 1929, № 9—10, стр. 170—171.

- Козьмин Б. П., Революционное подполье в эпоху «белого террора», М., 1929, стр. 121—122.
- Козьмин Б. П., Современник о Каракозовском процессе (письма М. И. Семеновского), «Былое», 1925, № 6 (34), стр. 42—45.
- Колосов Е. Е., Н. К. Михайловский в деле Каракозова, «Былое», 1924, № 23, стр. 44—75.
- Колосов Е., Спорный вопрос каракозовского дела, «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 65—88.
- Кротов М., Якутская ссылка 70—80-х годов. Исторический очерк, М., 1925, О Худякове — стр. 226—227.
- Кубалов Б., И. А. Худяков в ссылке (к пятидесятилетию со дня смерти), «Каторга и ссылка», 1926, кн. 28—29, стр. 166—192.
- Кузьмин Дм., Как не надо изучать историю, «Каторга и ссылка», 1926, № 3, стр. 251—260. О Худякове — стр. 257—258.
- Кульчицкий Л., История русского революционного движения, т. I (1801—1870), СПб., 1908, стр. 377 и сл.
- Лавров П. Л., Народники-пропагандисты, Л., 1925. О Худякове стр. 37, 210.
- Лемке М., Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины, СПб., 1904, стр. 36.
- Лион С. Е., Морской побег, М., 1926. О Худякове — стр. 59—61.
- Лопатин Г. А., Воспоминания об И. А. Худякове.—Шилов А. А. Герман Алексаидрович Лопатин, Пгтр., 1922, стр. 135—142.
- Лурье Г., Пионер якутского краеведения И. А. Худяков (к 60-летию со дня смерти. 1842—1876), «Советское краеведение», 1936, № 11, стр. 107—108.
- Маинов Л. И., Население Якутии, Сб. «Якутия», Л., 1929, стр. 323—420, 385.
- Майдель Гергардт, Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Пер. с нем. В. Л. Бианки. Прилож. к 74 т. записок ИАН, № 3, СПб., 1874, стр. 1—599. О Худякове — стр. 43—44.
- Мионов И. Я., Ценная рукопись И. А. Худякова, «Сибирский архив», 1913, № 4, стр. 222—223.
- Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1909.
- Елисеев Г. З. (стр. 406—490). О Худякове стр. 466—477.
- Некролог. «Смерть И. А. Худякова», «Вперед», Лондон, 1876, № 46, стр. 724.
- Никофоров Г., Правительство и молодое поколение, Женева, 1866.
- Николаев В., Ссылка и краеведение, Сб. «Сибирская ссылка», М., 1927, О Худякове — стр. 97, 106.
- Ногин В., На полюсе холода, М., 1919. О Худякове — стр. 150—151.
- Отчет императорского русского географического общества за 1863 г., СПб., 1864.
- Мнение действительного члена Н. В. Калачева о трудах г. Худякова — стр. 97—98.
- Маленькая заметка об Ив. Ал. Худякове, «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9, стр. 218—220 (Историко-революц. вестник, кн. 45—46).
- Пантелеев Л. Ф., Из воспоминаний прошлого, СПб., 1905. О Худякове — стр. 311—312.
- Пекарский Э. И. А. Худяков и ученый обозреватель его трудов, «Сибирские вопросы», 1908, № 31—32, стр. 50—55.
- (Э. Пекарский). К статьям г. Е. Боброва о Худякове, «Живая старина», вып. 1, 1909, стр. 105.
- Попов И., И. А. Худяков, «Русские ведомости», 1911, № 301, стр. 3.
- Попов И. И., Минувшее и пережитое, Воспоминания за 50 лет, ч. I, Детство и годы борьбы. Л., 1924. О Худякове — стр. 211.
- Прокламации 60-х гг., «Былое». Сборник по истории русского освободительного движения, Лондон, 1906, вып. VI, стр. 11.
- Пылин А. Н., История русской этнографии, т. I—IV, СПб., 1890—1892. О Худякове: I, 34; II, 255, 326; IV, 164, 462. На стр. 225 — краткая биограф. справка.
- Розенор С. М., Ледяная тюрьма, М., 1934. О Худякове — стр. 45.
- Савченко С. В., Русская народная сказка (История собрания и изучения), Киев, 1914. О Худякове: стр. 9, 23, 39—42, 54, 142, 144—146, 148—150, 151, 175, 245—246, 249, 298, 439, 464, 529.
- Сажин П. М. (Арман Росс), Воспоминания 1860—1880 гг., М., 1925, стр. 25.
- Серошевский В. Л., Якуты, т. I, СПб., 1896.
- Синегуб С. С., Воспоминания чайковца, «Былое», 1906, № 9, стр. 90—128. О Худякове — стр. 113—114.
- Соколов Ю. М. Русский фольклор, М., 1941. О Худякове — стр. 99, 100, 297.
- Стасов Д. В., Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания), «Былое», 1906, № 4, стр. 276—298.
- Стож М. Е., Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых, Иркутск, б/г. О Худякове — стр. 15.
- Тун А., История революционного движения в России, Пгтр., 1917. О Худякове — стр. 43.
- Хороших П. П., Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности, Иркутск, 1924. О Худякове — стр. 17 (Отд. оттиск из Известий ВСОРГО, т. XLVIII, вып. 1).

- Черевин П. А., Записки П. А. Черевина (Новые материалы по делу каракозовцев), Библиотека обществ. движ. в России XIX—XX вв., вып. I, Кострома, 1918. (Черкезов). И. А. Худяков, «Вперед», Лондон, 1876, № 46, стр. 750—752.
- Шилов А. А., Покушение Каракозова 4 апреля 1866, «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 91—137.
- Шишко Л. Э., Собрание сочинений, т. IV (статьи по истории русской общественности), Птгр.—М., 1918. Статья «К характеристике движения начала 70-х годов».
- Штакеншнейдер Е. А., Из дневников Е. А. Штакеншнейдер, «Голос минувшего», 1916, № 4, стр. 63.
- Эргис Г. У., Спутник якутского фольклориста, Якутск, 1945, стр. 92.
- Эргис Г. У., Собрание и изучение якутского фольклора в советский период, Ученые записки якутск. гос. пед. ин-та 1944, вып. 1, стр. 129—159.
- Я-в Д., И. А. Худяков, «Московское обозрение», 1876, № 7, стр. 95—96.
- «Якутский фольклор», Советский писатель, 1936. Вступительная статья акад. А. Н. Самойловича, стр. 9.
- Ястремский С. В., Образцы народной литературы якутов. Труды комиссии по изучению Якутск. АССР, т. VII, Л., 1929. Предисл. С. Малова, стр. 1.

III. Сведения об И. А. Худякове в биобиблиографических словарях

- М. К. (М. М. Клевенский), И. А. Худяков, БСЭ, т. 60, М., 1934, стр. 275.
- Худяков И. А. Деятели революционного движения в России, Биобиблиографический словарь, т. I, ч. II, М., 1928, стр. 439—440.
- Худяков, Большая энциклопедия, т. 19, СПб., б/г (1896?), стр. 664.
- Худяков, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 37-а, СПб., 1903, стр. 773—774.
- Полов И., Худяков, Энциклопедический словарь «Гранат», т. 45, ч. 3, 7-е изд., б/г.
- Р. М., Худяков. Русский биографический словарь, т. 21, СПб., 1901, стр. 447—448.
- Необходимо дополнительное приложение к настольному словарю Ф. Толля, под его же редакцию составленное, СПб., 1866, стр. 540 (1354).